

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ФОЛЬКЛОРНОМ ОНОМАСТИКОНЕ

Народное мировидение, отраженное в языке, ярко проявляется в номинациях объектов отдельных денотативных сфер, описание которых должно дать комплексное представление о внутренней форме языка в гумбольдтовском понимании, т.е. представление о том, как внешняя действительность преломляется в языке народа.

- ◆ Применительно к ономастической лексике важно учитывать вариативность соотношения формальных и семантических параметров восприятия имени как внутри пространства онимов, так и в параллельных апеллятивных пространствах, и в группах ономастических семантических дериватов.

Функционирование имен
собственных в фольклорных
текстах обусловлено в
значительной степени
национально-культурными
стереотипами употребления и
восприятия имени.

Фольклорные жанры в
разной степени
ономастически
насыщены (максимально
«ономастически плотные»
народный календарь и
календарная обрядность).

Сказка, примета, частушка,
пословица, поговорка
«эксплуатируют» разные
ономастиконы.

Наиболее частотные антропонимы в русском сказочном фольклоре *Иван* и *Марья* занимают периферийные позиции практически во всех других фольклорных жанрах, например, в пословицах и поговорках более популярны *Вавила* и *Акулина*: *Вавила – красное (свиное, широкое) рыло. Ушел Вавила по мотовило, да, видно, лесом задавило. Не смыслит Вавила ни уха, ни рыла // – Акуля, что шьешь не оттуля? // Жаль Акулину посылать по малину.*

Фольклорный ономастикон во многом определяется «правилами», принятыми в соответствующей этнокультурной среде. Так, замечено, что у тюркоязычных народов нет обычая переносить человеческие имена на животных, как, например, это принято в русской культуре.

A stylized silhouette of a mountain range is located in the bottom right corner of the slide. The mountains are rendered in a dark teal color, matching the background, and have a jagged, layered appearance.

Ср. русскую фольклорную традицию создания «антропозоонимов»: медведь *Михайло Потапыч*, свинья – *Хавронья*, лиса – *Патрикеевна* и др.

Деонимизация

Имя собственное кумулирует национально-культурные коннотации (например, при функционировании в качестве имени фольклорного персонажа), что становится импульсом к его деонимизации, переходу в разряд апеллятивов. Это межъязыковая универсалия, отмечаемая в разных лингвокультурах.

- ◆ В русской народной традиции примером антропонима, стереотипно соотносимого с чрезмерным любопытством, непреодолимым желанием посплетничать, является *Варвара*:
Употребление поговорки *любопытной Варваре на базаре нос оторвали* в типовых ситуациях со значением «не вмешивайся в чужие дела, разговоры» применительно к не в меру любопытному человеку (как женщине, так и мужчине) переводит этот антропоним в разряд апеллятивов.

Онимизация апеллятива

Ср. легенду о 12 сестрах-лихорадках, которых сатана посылает мучить людей. Это безобразные простоволосые существа, имена которых представляют симптомы лихорадки, каждая имеет свое имя: *Ломиха, Огниха, Трясовица, Желтяница, Горчиха, Бессониha, Холодиha, Томилиha, Головиha, Грудница, Животиha, Хрипуниha.*

Осознание внутренней формы слова как средство актуализации представлений об обозначаемом

- ◆ Имя собственное выбирается с учетом внутренней формы, имеющей оценочно-характеристическую функцию (см. башкирские антропонимы, мотивированные положительной оценкой качеств внешности, характера и т.п): *Тимир* `железо — пожелание быть крепким, как железо', *Тайбуга* `пожелание силы, здоровья, как у молодого бычка', *Карагай, Карагас* `названия деревьев, пожелание быть крепким', *Ильбул* `в значении: будь почтенным гражданином своей страны'.

- ◆ Для русской лингвокультуры это нехарактерно, ср. замечание о том, что «русский именован основан на православных святцах, поэтому образная номинация в русской антропонимии возможна лишь в прозвищах <в которых> ... номинативная функция ослаблена, а в ряде случаев практически сведена к нулю за счет функции характеризующей» [М.Э.Рут]

- ◆ Такая функция лежит в основе одного из продуктивных для русского фольклора механизмов коннотативной обработки имени, когда устойчивые контексты задают типовую характеристику антропониму: *Алёна – добрая, безобидная, безответная, ласковая: Каждая Алёнка хвалит свою бурёнку // С Алёной сладок огурец солёный // Не суйся, Алёнка, где не спрашивают! Арина – нерасторопная, простушка, словам которой не слишком доверяют: Тетка Арина надвое говорила. Сидит Арина, рот разиня. Наташки – канашки, Машки – букашки, Аринушки – разинюшки*

Семантические дериваты

- ◆ Ср. фитонимы *Иван-да-Марья, Ваня-да-Маня, Ванька-да-Манька, Акулька, Фролы, Фролки* и др.

- ◆ Особую роль приобретают имена в тех сферах, где они «имеют системный характер, и сам их набор продиктован стилеобразующими и концептообразующим элементами некоего гипертекста как совокупности текстов определенной жанровой специализации» (народный календарь)

- ◆ Антропоним, включенный в специально смоделированный игровой контекст (например, в земледельческом календаре) выполняет мнемоническую функцию: *На святой Степан каждый себе пан; на Малахию хлев метёлками обмахивай, с Тихона солнце идёт тише, Прокоп дорогу прокопает, Василий парийский землю парит, на Прохора и зимушка-зима заохает (на Прохора старуха охала: «Ох, студно!»).*

- ◆ Ономастическая стереотипия в фольклорном тексте обеспечивает известный автоматизм процесса номинации, выступая в качестве его ориентирующих компонентов. Однако, если мы хотим постичь функционирование моделей в живом языковом общении, если мы хотим объяснить появление конкретного наименования, необходимо в каждом отдельном случае опираться на специальный ономаσιологический контекст, который предшествует возникновению данной номинативной единицы, является ее смысловой и материальной базой.

- ◆ Базовым компонентом воплощенной ономаσιологической структуры конкретного наименования, безусловно, является внутренняя форма слова, которая может быть рассмотрена как когнитивная составляющая восприятия информации об обозначаемом.

- ◆ Отражая специфику воплощения мотивировочных признаков определенного класса объектов в языковой картине мира, внутренняя форма одновременно выступает и как источник возможных вариативных интерпретаций связи между признаком, положенным в основу наименования, и свойствами обозначаемого объекта.